

Глеб Карпинский

ЧУЖИЕ БОТИНКИ

Веселый детектив

Глеб Карпинский

Чужие ботинки. Веселый детектив

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Чужие ботинки. Веселый детектив / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909357-8

«Чужие ботинки» — это веселая детективная история. Однажды главный герой, обуваясь поутру, обнаруживает, что его обувь, оставленная вчера вечером на коврике, какая-то чужая. Видимо, кто-то в спешке перепутал ботинки и надел хозяйские. Но кто это? Почему жена не сообщила ему о визите постороннего? На эти вопросы и пытается ответить наш ревнивый герой. В качестве бонуса к книге автор дарит читателю два юмористических рассказа «Мечта о Мексике» и «История одной женщины, которая разлюбила мужа».

ISBN 978-5-44-909357-8

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Чужие ботинки	6
Несколько слов в начале	6
Знакомство с Евстатом Петровичем	7
Затея с обувной лавкой «Всунь-Тюнь»	9
В окружении десяти кастрированных котов	11
Случай с Александром Сергеевичем Пушкином	13
Музей в бане	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Чужие ботинки Веселый детектив

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2019

ISBN 978-5-4490-9357-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чужие ботинки

Несколько слов в начале

Как Вы уже догадались, мой дорогой читатель, эта детективная и во многом поучительная история, о которой автор с Вашего позволения поведает Вам сейчас за кружкой чудесного эля, как ни крути, связана с обыкновенными ботинками, даже не очень хорошего качества и немножко изношенными. Они до сих пор висят на ржавом вогнутом гвоздике в одном питейном заведении при выезде из нашего города и служат там нечто вроде декорации. На правом ботинке заметен стоптанный каблук, а на левом есть довольно неприятная царапина. Поэтому каждый желающий может легко убедиться в правдоподобности и достоверности моей истории, заскочив в этот самый трактир. Здесь всегда Вас ждут радушный прием, приятные собеседники и дешевая выпивка. Вы даже можете примерить эту пару обуви, и если она Вам будет в пору, Вам непременно нальют за счет заведения кружку чудесного эля. Но стоит мне Вас остеречь от непродуманного проступка, движимого желанием испытать за чужой счет! Ибо в этой истории замешана женщина, и женщина весьма красивая и знатная, и к тому же на данный момент находящаяся в деликатнейшем положении, то есть в ожидании первенца. Так что, если Вам придутся эти самые ботинки в пору, то не удивляйтесь пристальному взгляду одного господина, который обычно сидит здесь вон за тем дальним столиком. И зовут этого беспокойного господина Евстатом Петровичем, он и будет нашим главным героем. Разрешите его Вам представить.

Знакомство с Евстратом Петровичем

Стоит сказать, что имя нашего героя не вымышленное, а самое что ни на есть настоящее. Если взять в руки первый попавшийся сборник древнегреческих имен, то можно прочесть, что Евстрат означает «хороший воин», то есть заведомо подразумевается, что человек, носящий такое имя, имеет воинственные качества, что с другой стороны может повлечь за собой деспотизм и агрессию в его семье. Однако при этом Евстрат имеет предрасположенность к жизни подвижника, способного на жертву, но даже не ради какой-то высокой цели, а просто потому, что «может себе это позволить». Действительно, наш герой, будучи еще ребенком, был смелым и отважным мальчиком. Например, он, если видел, когда кого-то несправедливо обижают, вставал на стороне слабого. Сколько раз он вырывал из рук жестоких детей замученного щенка, спасал упавших из гнезда воронят, так что живодеры до сих пор обходят нашего героя стороной. Девочек он никогда не дергал за косички, чем выгодно отличался в их среде, тогда как у других мальчишек это дергание было чем-то вроде эпидемии, и однажды даже дошло до того, что директор школы запретила девочкам длинные косички.

Также маленький Евстат любил играть в солдатики, и когда у него эти самые солдатики украли, то горько плакал, пока в песочнице случайно не увидел их в руках своего лучшего дружка Сеньки. Сенька тот был еще в детстве плут и обманщик, что собственно не удивительно при таких родителях (родители у него были фокусниками). По-хорошему, по нему плакала тюрьма, но внезапно нагрянула перестройка, и такие люди, как Сенька, первыми почувствовали дыхание свободы рыночных отношений. Чем он только не занимался: и наперстничал, и торговал живой водой, и пенсионерам почти бесплатные скovorодки предлагал, за что и был ими бит и не один раз. Скорее всего, свое прозвище Семен Темный получил в народе за то, что все время что-то недоговаривал, при разговоре отводил глаза в сторону и часто с кем-то в темном углу шушукался, то есть темнил.

Так вот, маленький Евстат, когда понял, кто причинил ему столько душевных мук, решил сначала поколотить Сеньку, что в принципе и сделал, набросившись на того с кулаками и мутузя, на чем свет стоит. И уж потом, вытирая другу окровавленную сопатку, решил солдатики эти и не отбирать вовсе, а оставить незадачливому воришке, лишь бы тот был счастлив.

Был богат Евстат и на фантазии, имея сюрреалистическое воображение. Во сне он часто видел, как идет один по знойной бескрайней пустыне и изнемогает от жажды. Солнце убийственно светит сверху, пить хочется, а в руках у него маленькая-премаленькая бутылочка минералки. Но наш герой не пьет, а вдруг кому-то эта водичка нужнее окажется, чем ему? И в самом деле, в каждом сновидении ему встречались заблудившиеся путники, которые в отличие от него находились еще в более тяжком положении, уже даже не могли ходить или без сознания, и он вливал свои последние капли в их обезвоженный организм и радовался, когда они вздрагивали, чувствуя внезапные силы жизни.

И таким он в памяти многих и оставался, добрым и чутким к чужим желаниям мальчиком, способным отказаться от личного счастья ради счастья другого. И, как следствие, должен был встретиться ему кто-то в его взрослой жизни, к чьим ногам можно было бросить весь мир.

Но не каждая девица могла вынести сию ношу. Евстат Петрович долго оставался с этой ношей один, и не знаю, чем бы это все могло кончиться, и наш герой уж всерьез задумывался о подвижничестве, но встретила ему на балу прекрасная незнакомка. Он станцевал с ней

польский танец, перебросился парой фраз на французском, а в ту пору молодежь у нас только и щебетала по-лягушачьи, и, как положено галантному кавалеру, проводил даму до постели. Оттуда он уже вернулся мужчиной с твердым желанием жениться на ней. Звали незнакомку Прасковьей Ильиничной. Была она женщина незаурядной личности, дважды разведенная, но без детей. Фамилия ее происходила из древнего дворянского рода со всеми вытекающими последствиями. Поговаривали даже, что одна из башен Московского Кремля принадлежала когда-то основателю их династии, и эти слухи при каждом удобном случае раздувала сама Прасковья Ильинична, требуя к себе соответственного отношения. Так что в нашем рабоче-крестьянском городке кто с шуткой, а кто с превеликим почтением... обращался к Прасковье Ильиничне не иначе как «Ваше Сиятельство».

Затея с обувной лавкой «Всунь-Тюнь»

Ну, не будем томить читателя всей этой казуистикой, а начнем с той самой обувной лавки, которую в мае прошлого года открыл известный в городе проходимец и плут Семен Темный. Чтобы читатель мог представить Сеньку, автор попробует его показать таким вот обжаренным в маске колобком с хитрющими глазами. Был этот колобок лощеный и румяный, круглый и лысый, с толстыми губами, которые умели заговорить любого. Из одежды Сенька предпочтение отдавал всему, что блестело или имело малиновый цвет, даже трусы у него были малиновые со стразами. На его короткой шее болталась прямо, так сказать, золотая корабельная цепь с распятием. Эту цепь он не снимал даже в бане, поэтому в парилку не ходил, чтобы не обжечься, а предпочитал пиво с раками на выходе. Стоит сказать, что человек он был хваткий, способный, с качествами дельца высокого полета. Ну, если что уж решит, то непременно добьется, так что, ежели не его социалистические взгляды (была у него такая мысль все украсть и поделить поровну), мог бы вполне стать главным казначеем Центробанка или крупным акционером Газпрома. Труба, кстати, этого газового гиганта-монополиста делит наш городок на две равные части: левую половинку и правую, а на карте наш округлый городок с такой разделительной линией выглядит неприлично, из-за чего недоброжелатели называют местность, как это мягче сказать, Попой или Задницей. И, как это часто бывает, название сие дерзкое прижилось, и даже среди жителей нашего города можно услышать иногда такие фразеологизмы, типа как «Живем мы в Заднице» или «Родом я из Попы» и так далее.

И вот через эту самую трубу, разрезающую город пополам, проходит основной тракт, так сказать, артерия жизни. И чтобы эта жизнь не прерывалась, в точке пересечения всех этих линий, меценатами был построен каменный мост, по которому едут машины, ходят люди и бродит скот, коего развелось у нас в последнее время неисчислимое количество. Здесь довольно часто можно увидеть разгуливающих туда и сюда свиней, коз, заблудшую с колокольчиком корову, гусей и даже павлинов. Да, да в окрестностях нашего городка есть ферма, где разводят павлинов. Для чего их разводят, никто не знает, но они, часто перелетая свои ограждения, устремляются в город и ходят тут такие важные, что иногда их путают с чиновниками из столицы.

Так вот Семен Темный посчитал, что иметь в таком месте торговую точку с символическим названием «Всунь-Тюнь», будет не лишним и стал выбивать у нового мэра разрешение. Мэр долго сопротивлялся, указывая, что объект военный, что пусть открывают свои точки хоть на Марсе, но не на этом мосту, но Сенька был тверд, как камень и, организовав кампанию по возрождению духовных ценностей, протащил свой проект, как благотворительный, на что и дали добро. В том году зима была затяжная, так что под майские праздники почти все жители, кроме бабки Аксины, решили сменить валенки да унты на что-то легкое и грациозное. И Сенька их запросы угадал и предложил то, что они хотели.

Еще с ночи на мосту стали выстраиваться очереди желающих переобуться. Рекламная вывеска «Всунь-Тюнь» в виде большого дырявого башмака была видна из самых дальних краев города. Выстраивались люди в очереди с двух сторон: с левой и правой. Ажиотаж был сумасшедшим. Все толкались локтями, ворчали, жульничали, и всюду только и было слышно: «Я тут стоял, дядя», «Кто в Всунь-Тюнь последний?», «Какой я Вам Иван Иванович? Да я Вас знать не знаю». Так что Сенька ликовал, едва успевая собирать деньги и выдавая каждому в руки не более одной пары обуви. В какой-то момент он так вошел в роль благодетеля, что стал обе-

щать, крестясь перед народом, построить на вырученные средства буддистский храм. И народ ему верил и все прощал, и некоторые даже отказывались от сдачи.

Можно немного забежать вперед. Уж простит автора читатель, что предупреждаю события, но качество «Всунь-Тюнь» оказалось, мягко сказать, не очень. Уже на следующий день покупатели стали возвращать свои обновки продавцу. Сначала Семену Темному удавалось сглаживать возмущение, шушукаясь с каждым в темном углу, но в какой-то момент углы закончились и горе-продавца вжали в стену, требуя вернуть деньги. Но Сенька был таким человеком, который никогда не возвращает деньги, а только с ними убегает. Так вот, захватив с собой бумажную наличность, от мелочи пришлось отказаться в целях безопасности, мошенник Сенька спрыгнул с моста в реку. После чего эту речку так и стали звать Денежной, ибо до сих пор в ней что-то да находят. И даже родилось поверье в умах впечатлительных наших сограждан, что ежели прыгнуть с этого самого моста на полную луну и при этом разорвать на своей груди рубаху, от всей души матерясь, то ждет счастливчика непременно удача и богатство. Так что не удивляйтесь, ежели, проезжая по нашему мосту ночью, увидите желающих с него спрыгнуть и тех, кто уже спрыгнул, плескающихся в лунном сеянии и громко орущих всякие непристойности.

В окружении десяти кастрированных котов

Когда тот самый знаменитый прыжок Сеньки с моста был только в проекте, наш герой Евстат Петрович находился в каком-то певческом состоянии. Он еще утром приобрел новую пару обуви и выбил за нее пятипроцентную скидку, так как правый каблук немного был сточен, а на левом ботиночке была небольшая царапинка. Обувь понравилась Евстату Петровичу тем, что выглядела на прилавке как-то убого, и он ее другими словами «пожалел и возжелал». Вечером того же дня наш герой хотел опробовать новые ботинки прогулкой по скверу со своей благонадежной супругой Прасковьей Ильиничной. И, несмотря на то, что Прасковья Ильинична отказалась от прогулки, сославшись на легкое недомогание и сонливость, Евстат Петрович находился все равно в легком певческом настроении.

«Почему же в певческом? Что это за певческое легкое настроение такое? – зададитесь Вы справедливо вопросами. – Он что у Вас певец-тенор?»

Евстат Петрович у нас не певец и не тенор, наоборот, любитель помолчать и подумать. Просто в мае в зарослях цветущей сирени в наших краях начинают петь соловьи. Их волшебные нежные трели благоприятным образом влияют на настроение. Все улыбаются, восторгаются и даже влюбляются. Да, влюбленность совсем не чужда жителям нашего городка. Вот почему в тот вечер Евстат Петрович был отнюдь не одинок, находясь в таком певческом настроении.

Случилось, что в таком же певческом настроении находился один из котов Прасковьи Ильиничны. Вот почему так или иначе новенькие ботинки Евстата Петровича оказались помечены. Наглый Мурзик напрочь отверг постулаты единственного в нашем городе ветеринара Григория Живодеркина о том, что кастрированные коты не метят. Все это вызвало невольное удивление у Евстата Петровича, когда тот, выйдя на улицу, обнаружил у своих ног большое наличие теревшихся и стонущих кошек. Ему пришлось даже отбиваться от них и ускорять шаг. Он поспешил по сиреневому скверу под трели соловьев и остановился в задумчивости у фонтана, слушая его спокойное журчание. Затем наш герой немного пофилософствовал на луну и, пожав плечами и улыбнувшись неизвестно чему, вернулся домой. Разувшись на коврик, Евстат Петрович осторожно прошел в комнату, где узрел свою любимую супругу Прасковью Ильиничну в полном здравии, только что проснувшуюся и возлежавшую на софе в окружении десяти своих кастрированных котиков.

– Здравствуйте, Ваше Сиятельство, – обратился он к супруге, почтительно наклоняя голову. – Как жаль, что Вы не соизволили составить мне компанию в столь прекрасный час, когда сама природа оживает и питает все живое своей нескончаемой энергией любви! Эта энергия разливается повсюду, как грудное молоко по губам дитяти, и стоит только прислушаться к этому току, и Вы поймете, что Вы не одиноки, что все мы часть одного целого, ныне разделенного, оторвавшегося от материнской груди, но желающего снова воссоединиться. О, если бы Вы, Ваше сиятельство, услышали, что творится в нашем сквере, то непременно пожалели, что предпочли сон обществу с Вашим супругом! Это чудесное, незабываемое пение соловьев повсюду, это тихое журчание воды у фонтана, все эти благоухающие одурманивающие даже самую черствую душу запахи распустившихся цветов! Да, я совсем забыл про полную луну... Сегодня вечером она особенно хороша. Мне даже, признаюсь честно, показалось, что она хотела мне что-то шепнуть, в чем-то признаться, и я улыбался, невольно улыбался, чувствуя, как она там сверху смотрит на меня и круглеет. Ну, а что творят кошки нынче у подь-

езда, это не описать никаким литературным языком. Они буквально сбивали меня с ног, и мне пришлось даже ретироваться, бежать в этих новых ботинках... Да, да, я подвергался некому насилию, и звал Вас на помощь, и Вам, Прасковья Ильинична, должно быть стыдно, что Вы проигнорировали мою любезную просьбу прогуляться вместе под ручку, прогуляться со своим благоверным супругом, коим я до последнего момента еще являюсь.

Евстат Петрович говорил все это возвышенно одухотворенно, размахивая грациозно руками и даже подпрыгивая на месте, пока его супруга, полная красивая женщина в самом расцвете сил, медлительная в манерах и властная в движениях, распахивала свой шелковый халат с развязанным поясом. Она как бы говорила своим обнаженным видом, что ей немного жарко и душно, и Евстат Петрович был даже рад приоткрыть форточку, впуская в комнату свежесть благоухающего вечера. Его супруга спокойно лежала на мягкой софе, истерзанной когтями своего домашнего зверья до неприличия, в окружении тех самых жирных котов и позевывала. Эта женщина, стоит отметить, не потеряла блеск тех глаз, что сражают при встрече каждого, кто еще считает себя мужчиной. Даже сейчас, уйдя в подполье брака, она оставалась красивой и желанной для многих охотников до чужого добра в нашем городе. Слава богу, Прасковья Ильинична была женщиной приличной, примером для подражания другим колеблющимся в своей похоти девицам, так сказать, она, безусловно, была живым примером морали и последним бастионом нравственности.

Случай с Александром Сергеевичем Пушкиным

Был один случай, о котором автор сей истории желает упомянуть, чтобы понять ту атмосферу распушенности, которая процветала в нашем городе доселе благодаря старому мэру, ныне покойнику, Альберту Иосифовичу, и как благочестивая женщина Прасковья Ильинична, одна единственная, прекратила все эти безобразия. Скандал был тогда грандиозный, еще связанный с самим Александром Сергеевичем Пушкиным. Именно после всей этой шумихи в прессе наша героиня ушла со сцены светской львицы и уединилась дома в полном затворничестве со своими кошками. Произошло все это где-то за год до наших событий, накануне открытия памятника великому русскому поэту на главной площади города.

Итак, мэр города, Альберт Иосифович, чувствуя свой преклонный возраст, так сказать, напоследок решил блеснуть сединой. Был он уж очень охоч до местных красавиц и приглашал их то там, то сям на безобидные свидания. В поле зрения его суетливых глазок попала и первая красавица Прасковья Ильинична, и не мудрено, так как супруга Евстата Петровича на тот момент вела общественный образ жизни и не упускала ни одно мероприятие, где ее могут назвать «Вашим Сиятельством». Евстат Петрович смотрел на все это с пониманием и глаза закрывал, так как был уверен в том, что дальше облобызания прелестной ручки его благочестивой супруги и пышных букетов роз от неизвестных поклонников дело не пойдет.

Поэтому и в тот день наш герой с легкостью отпустил супругу на randevu с градоначальником, который пригласил Прасковью Ильиничну посмотреть раньше других, как запечатлен Александр Сергеевич в бронзе. Уж она-то была настоящей ценительницей его таланта, цитировала поэта, где только можно, и к открытию памятника отнеслась благосклонно.

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

Цитировала она поэта, шелкая шелуху от семечек прямо у подножия, пока мэр города пытался стащить с постамента покрывало.

– А вы знаете, уважаемый Альберт Иосифович, что наш великий русский поэт сочинил это стихотворение вопреки общей версии именно моей любимой бабушке, Катерине Матвеевне. И я могу сказать, что курчавость моих локонов и этот южный страстный темперамент может быть и в него, в гения... Ну, давайте же срывайте эту тряпочку, не томите даме душу...

– Ваше Сиятельство, – обратился к Прасковье Ильиничне градоначальник, – позвольте мне прежде поцеловать Вашу прелестную ручку и сообщить Вам уникальные сведения, которые раскопал наш архивный отдел. Оказывается, ровно сто шестьдесят пять лет назад Александр Сергеевич, возможно, Ваш родной дедушка, почтил наш город своим незапланированным присутствием. Если верить историкам, именно на этом самом месте лошади у него развязались, а ямщик отказался ехать без подачи ему стопки водки. А ехал, между прочим, Александр Сергеевич на дуэль, и, может быть, именно наши предки могли отвратить трагедию, отговорить и обласкачать, но водка нашлась, а лошадей вновь запрягли...

Говоря все это, Альберт Иосифович торжественно сорвал простыню, закрывающую постамент от посторонних преждевременных взглядов, и взору Прасковьи Ильиничны предстал во всем величии бронзовый памятник с кудрявыми волосами. Но любоваться им Прасковья Ильинична тогда не успела, так как русский гений пошатнулся и рухнул, чуть не придавив их обоих. Это уже потом молва разнеслась по округе, что Пушкин упал от пламенного взгляда Прасковьи Ильиничны, а сейчас приехала комиссия по расследованию растраты бюджетных денег, и Альберта Иосифовича временно отстранили, а сам памятник, конечно, восстановили, но уже на народные сбережения. И, как это обычно бывает, все происходило с помпой, парадами и речами, но уже при новом мэре. Альберт Иосифович к тому времени, к сожалению, почил, а Прасковья Ильинична была всеми несправедливо забыта. В городе злобно шушукались, ее считали дамой, приносящей неприятности, и она от отчаяния затворилась дома и даже перешла на булочную диету. В обществе она предпочитала больше не появляться, а все новости черпала из уст своего супруга, который по роду занятий своих был еще и работником общественной бани и знал о всех все и вся, вплоть до анатомических подробностей...

И вот сейчас, Прасковья Ильинична, уплетая пышную булочку, вдруг почувствовала легкий приступ зевоты и прикрыла ладошкой свой чудесный ротик. Потом она, нахмутив и без того изогнутые бровки, сказала Евстату Петровичу:

– Евстик, кончай эти трели. Лучше приготовь малышам ужин!

Как догадался многоуважаемый читатель, своими малышами данная дама называла своих любимцев котов, которым каждый вечер Евстат Петрович в ущерб себе отваривал целую курицу и рассыпал по десятию мискам всегда свежий девятипроцентный творог. Сейчас, когда он это делал, мысленно он вычислял мерзавца, который мог испортить его ботинки, но коты не выдавали себя, смотрели на Евстат Петровича нагло и требовательно мяукали.

Музей в бане

На следующее утро наш герой, как это полагается, собрался в баню. В баню Евстат Петрович ходил как на работу. Работа у него в прямом смысле была не пыльная, а, скорее всего, мокрая. В его прямые обязанности входило собирать пустые тазики в мужском зале. Стоит отметить, что баней пользовался весь город и даже ныне покойный градоначальник. Правда, для Альберта Иосифовича выделялся специальный предбанник, чтобы не смущать православных либо исключить панибратство, кое наш народ любит выражать в подобных заведениях.

Евстату Петровичу часто приходилось стоять на страже того самого предбанника и не пускать к мэру посторонние, пьяные и разгоряченные в парилке тела. Исключения составляли секретарши Альберта Иосифовича, которых у того было, как и котов у Прасковьи Ильиничны, аж десять штук. Все это объяснялось тем, что Альберт Иосифович очень радел за наш город, был неисправимым трудоголиком, что не в пример нынешней власти. Даже в момент своего досуга, а любил ходить Альберт Иосифович в баню по субботам, он там и работал и других заставлял работать, давая какие-то указания и нарекания. Евстат Петрович только и слышал за стенкой его дребезжащий, но удивительно влиятельный на умы наших сограждан голосок.

«Эй, пожар, поддай жару!», «А ты веничком его дубовым да по шапочке», «Мы тут потеем, а враг не дремлет...» и так далее.

Врагом своим да и любой власти Альберт Иосифович считал коррупцию, с ней он отчаянно боролся, пока его не освободили от должности за трату бюджетных средств.

Когда пришел новый градоначальник, назначенный из столицы, усатый и рыжий, предбанник стал пустовать. Правда, туда по привычке заходили на минутку бывшие секретарши, но они там большую часть времени вздыхали и охали, и опять уходили, так и не проронив ни слова. Евстат Петрович даже повесил на двери памятную табличку, гласящую о том, что здесь с такого-то года по такой-то бывал небезызвестный и многоуважаемый Альберт Иосифович, и все шло к тому, чтобы сделать тут музей. Евстат Петрович даже веники сохранил, коими любил пользоваться покойник, и все ждал положительного решения. Но новая власть упорно отказывалась мыться и идею с музеем не поддержала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.